

ЕЙСКИЙ ПРИСТАВ И.Ф. ЛЕШКЕВИЧ

Иван Федорович Лешкевич (1731–1790) относится к числу заметных фигур времени завоевания Российской империей Крыма и степного Прикубанья. Особенное значение для истории данного региона имеет его деятельность как представителя российской власти в ногайских ордах и начальника Ейского укрепления – важнейшего опорного пункта продвижения России в южном направлении. Тем не менее, оставаясь в тени славы своих знаменитых современников – П.А. Румянцева, А.В. Суворова и Г.А. Потемкина, – он не пользовался большим вниманием историков, хотя иногда и получал от них весьма лестные отзывы. Так, И.Ф. Александров писал: “Вообще, о Лешкевиче, судя по тем архивным материалам, которые после него остались, нужно сказать, что это был верный страж русских интересов, с величайшим вниманием наблюдавший и изучавший быт и нравы вверенных его попечению кочующих ногайцев и никогда не упускавший даже кажущихся на первый взгляд мелочей” [8, с. 7]. Его деятельность, как помощника Суворова, положительно представлена в краеведческих очерках В.А. Соловьева [22].

О начальном периоде жизни персоналии данного исследования известно мало. В комментариях к сборнику документов о Суворове датой его рождения назван 1731 год и отмечено, что он был подполковником Молдавского гусарского полка [7, С. 621]. Принадлежность к тому же подразделению подтверждается архивными документами [4, л. 1], хотя состоянием на 21 августа 1774 г. он был подполковником Луганского пикинерного полка [17, с. 434]. Оба эти полка были сформированы в Славяносербии и пополнялись из среды смешанного населения, кроме украинцев и русских – сербских, молдавских и других переселенцев. Полное обозначение его имени – “Иван Михайлов сын Дробинка-Лешкевич” [1, л. 16], в другом документе – Ляшкевич [17, с. 157]), – указывает на его польское или белорусское происхождение. Архивные данные свидетельствуют, что он был несколько раз женат, от раннего брака имел сына Федора, к 1790 г. – отставного майора; последней его законной женой была Феодосия Романовна, вступившая после смерти супруга в судебную тяжбу с пасынком из-за имущества [1, л. 8]. Назначение на пост руководителя пограничной службы в низовье р. Ея и, вместе с тем, пристава ногайских орд Лешкевич получил 1 августа 1774 г. [4, л. 1].

Должность пристава была введена за три года до его назначения и в течение длительного времени не имела устойчивых функций. В августе 1770 г., во время российско-турецкой войны 1769–1774 гг., ногайцы Эдисанской и Буджацкой орд, кочевавшие в Северном Причерноморье и находившиеся в подданстве крымского хана, заключили союз с российским командованием. К осени 1771 г. они, вместе с едичкульскими и джембуйлуцкими ногайцами, были переселены на правобережье р. Кубань [11]. Правительство Екатерины II рассматривало “союзных ногайцев” как средство воздействия на крымские элиты с целью отколоть их от Турции и установить протекторат России над Крымским ханством. Исходя из этого намерения, Эдисанская, Буджацкая, Едичкульская и Джембуйлуцкая ногайские орды были переселены с причерноморских степей, где располагался основной театр военных действий, на его периферию – в степи Прикубанья, которые юридически оставались владением Крымского ханства, но к тому времени уже контролировались Россией [10, с. 28–29]. Предполагалось, что переселенные из Причерноморья ногайцы на Кубани станут буфером, который будет принимать на себя нападения горских народов и кубанских ногайцев, враждебно настроенных к России [9, с. 47, 53].

Дипломатическое обеспечение “отложения Крыма от Порты” (иначе: ведение “татарской неготиации”) было поручено слободско-украинского губернатору Е.А. Щербинину. 4 апреля 1771 г. Екатерина II обязала его “содержать при татарах

нарочного способного человека, которой бы в состоянии был о всем, у них происходящем, не только вас уведомлять, но, по востребованию обстоятельств, и протчих пограничных командиров, а между тем и произволениями татар руководствовать”. В силу этого распоряжения в Крым прибыл “резидующий министр” П.П. Веселицкий. К “союзным ногайцам” отправили отдельного представителя с теми же функциями. Это произошло в тот момент, когда готовилась их переправа на левый берег Дона, по пути следования на правый берег Кубани. Императрица писала: “ежели они, перешед Дон, отлучатся на те места, которые принадлежащими к турецкому владению почитаются, не меньше бытность у них здешняго офицера может споспешествовать” [9, с. 35–36]. Ногайским приставом назначили подполковника Стремоухова. Находясь на правом берегу Дона с июля по сентябрь 1771 г., он руководил их переправой, на левом берегу ногайцев принимал подполковник Шелекхейч [23, с. 69]. Ранее Стремоухову уже приходилось выполнять подобные поручения. В июне 1770 г., он, будучи подполковником Борисоглебского драгунского полка, сопровождал 1000 вооруженных калмыков на Северном Приазовье и отвечал за их переправу через Южный Буг. Позднее Стремоухов командовал отрядом, в составе которого находились запорожцы, участвовал в боях с турками и крымскими татарами в районе Очакова и Хаджибея [12, с. 355, 357, 359]. После завершения переселения ногайцев, Стремоухов расположил свою резиденцию возле устья реки Ея, которая отделяла владения России и Крымского ханства.

Название должности и полномочия российского представителя у ногайцев постоянно менялись. Состоянием на 27 августа 1771 г. Стремоухов упоминается как “эдисанский начальник”, в марте 1772 г. документы упоминают его без уточнения функций – “обретающимся при экспедиции переселения татарских орд на кубанскую степь”. В его подчинении находились “и прочие в других ордах офицеры”, командированные для постоянного наблюдения за ногайцами, а также переводчик из Коллегии иностранных дел России. Стремоухов был подотчетен Щербинину и, в случае необходимости присылки войск или другой помощи для выполнения своих задач, напрямую сносился с астраханским губернатором, командующим Кавказским корпусом и атаманом Войска Донского [9, с. 64–65, 95]. В частности, 30 марта 1772 г. в его распоряжение отправили пятисотенную команду донских казаков, ранее назначенную для подкрепления Кавказского корпуса [9, с. 95–96]. И все же, военная сила применялась в крайних случаях: излишнее насилие приводило к массовым миграциям ногайских кочевников в турецкие владения на левом берегу Кубани, а это существенно сокращало возможности Петербурга реализовать свои планы в Крыму при помощи ногайцев. В виду этого, руководитель внешнеполитического ведомства России Н.И. Панин писал Е.А. Щербинину: “лучше, кажется, дать татарам волю, где сами, в бытность их на Кубанской стороне, располагаться похотят, но только без утеснения здешних (российских подданных. – *В. Г.*) пограничных жителей”. Непосредственный надзор за поведением ногайцев следовало производить следующим образом: “имея безприметное за их поступками примечание, дабы инако не возчувствовали принуждения.., искусным образом иногда при случаях им советовать не весьма от границ здешних удаляться” [9, с. 57].

Впрочем, далеко не всегда Стремоухову приходилось полагаться на силу своего совета. Куда более надежный результат достигался благодаря тому, что сыновья знатных ногайских мурз брались им в заложники (аманаты). Чтобы прикрыть этот нелicenseприятный факт (дача аманатов подразумевала подчиненное положение побежденного, а не состояние “союза”, задекларированное в 1770 г.), Стремоухов, используя ногайскую традицию, выступил в роли “наставника” (аталыка), бравшего ногайских мальчиков “на воспитание” [9, с. 141–142]. Вопреки упомянутой выше инструкции, ему приходилось вмешиваться во внутреннее управление ногайцев; в частности, весной 1773 г. он добивался от едичкульцев избрания в их начальники Узун-Али-мурзы, сына умершего главного едичкульского мурзы Мамет-бея. Эта настойчивость возмутила едичкульцев, они перешли на турецкую сторону; в начале мая они,

соединившись с некрасовцами, черкесами, абазинцами и адалинцами, намеревались, “сесть на коня”, “захватить ... подполковника Стремоухова и прочих во всех ордах находящихся российских офицеров”, а затем напасть на донских казаков. Однако Стремоухову удалось удержать ногайцев от выступления и принудить их к послушанию Узун-Али [12, с. 538, 542, 546].

К августу 1773 г. влияние России в Крыму резко сократилось. Крымский калга-султан Шагин-Гирей, вернувшийся из Петербурга в Бахчисарай, не нашел здесь поддержки и удалился в Полтаву. Поскольку правобережье Кубани оставалось под российским контролем, в Петербурге приняли решение о провозглашении Шагин-Гирея правителем ногайцев, что позволило бы ему, по примеру Крым-Гирея в 1758 г., претендовать на крымский престол. В связи с этим Щербинин (вероятно, по настоятельной просьбе Шагин-Гирея) предложил императрице отозвать Стремоухова, на что получил категорический отказ: “отлучение его и ныне и во всякое время не может не оставить по себе худых следствий и толкований” [9, с. 162]. В итоге, на междуречье Еи и Кубани возникло своеобразное “троевластие”, представленное приставской администрацией Стремоухова, чиновниками Шагин-Гирея и ногайскими мурзами во главе с едисанцем Джан-Мамбет-бием [9, с. 70].

С подписанием мира в Кючук-Кайнарджи Крымское ханство стало независимым от Турции, в Керчи и Еникале разместились российские гарнизоны. Однако Петербургу не удалось реализовать план с возведением на бахчисарайский престол своего ставленника Шагин-Гирея. Весной 1775 г. крымским ханом стал протурецки настроенный Девлет-Гирей, который, ссылаясь на мирный договор, считал правобережье Кубани территорией своего государства. Однако Россия не считала Девлета законно избранным ханом, указывая на то, что в акте его избрания не участвовали ногайцы. Для противодействия турецкому влиянию в Крыму Екатерина II решила “составить из ногайцев самостоятельную область, которая бы могла противостать во всем области Крымской” [17, с. 129]. Во главе этого государства был поставлен Шагин-Гирей, который все еще сохранял за собой второй, после хана, титул калги-султана и, таким образом, считался первым претендентом на власть в Крыму. Его временную столицу, Шагин-Гирейский городок, расположили вблизи Ейского укрепления, “в российских границах в устье Еи, впадающей в Ейский лиман”. 30 марта 1776 г. был составлен план этого городка [соловьев] и вскоре началось его строительство. Этот городок с самого начала стал местным торговым центром и упоминается в других документах как “Ейский татарский базар” [17, с. 317]. Однако основную часть средств Шагин-Гирей получал не от местной, медленно налаживаемой торговли, и не от сборов налогов с ногайцев, а, конечно-же, от России. Состоянием на 9 марта 1777 г. Е. Щербинин ежемесячно отправлял из средств Острогжской провинциальной канцелярии по 1 тыс. руб. в месяц на личные нужды Шагин-Гирея и 400 руб. “на выдачу оставленным от него на Еи чиновникам ... жалования” [17, с. 429]. Первоначально штат Шагин-Гирея состоял из 24 российских служащих, среди которых находился смотрящий за обозом капитан Алымов, предоставленный ему еще в Полтаве, переводчик Андрей Константинов, врач Карл Эбелинг; также были кучера, погонщики, цирюльники, базовый татарин Магмет Асанов и 6 калмык, устанавливавших кибитки Шагина [17, с. 431–433].

Обстоятельства смещения подполковника Стремоухова нам неизвестны. Можно предположить, что Шагин-Гирей, пытаясь освободиться от его цепкого контроля, смог убедить российские власти в целесообразности его отзыва. Последнее известное нам упоминание о Стремоухове датировано июнем 1774 г., когда он приводил ногайцев в покорность их официальному правителю [12, с. 558].

К 1 августа 1774 г., когда произошло назначение Лешкевича на место Стремоухова, в регионе сложилась очень непростая ситуация, связанная с восстанием Е. Пугачова, активностью горских народов и деятельностью турецкой администрации на Северо-Западном Кавказе. По сообщению от 21 августа Лешкевич “оставался при ордах

приставом”, а затем “содержал в зиму и навсегда посты на Чубурах и Еи; к тому был и приставом и бывшему Джан-Мамбет-бею”, то есть осуществлял общий надзор за главным ногайским мурзою (бием) [17, с. 433–434]. Его стараниями обустроивалось Ейское укрепление, ставшее основным административным центром междуречья Еи и Кубани. Согласно приказу от 1 августа 1774 г., в укреплении под его командой находилось 545 разных военных чинов, составлявших низовскую и нижегородскую пехотные роты, 2 гарнизонные команды ростовских низовских батальонов, включая и группу из 28 донских казаков. Артиллерия представлена одним 8-фунтовым единорогом, двумя чугунными городскими 6-фунтовыми орудиями и двумя 3-фунтовыми пушками [2, л. 28]. Позднее численность военных в Ейском укреплении существенно сократилась, в связи с созданием Азово-Моздокской укрепленной линии и сети гарнизонов на Северном Кавказе. Это позволило правительству Екатерины II осуществить мероприятия по достижению стратегического преимущества в регионе, который *de jure* все еще принадлежал “независимому” Крымскому ханству.

Статус ейского пристава в документах представлен неопределенно. Кроме выше указанного случая, когда Лешкевич прямо назвал себя ногайским приставом, в других источниках имеем разную. Так, в ноябре 1776 г. он упоминается просто как “оставленный на устье Еи подполковник Ляшкевич”; весной 1777 г. сообщалось, что он “находится, как и прежде, на Еи у содержания посту” [17, с. 157, 433–434]. 3 ноября 1780 г. его подпись включала такие обозначения: “Кубанской стороны при союзных ногайских татарских ордах пристав в Ейском укреплении, части войск командир и комиссионер” [16, с. 590]. В 1782 г. Лешкевич опять неопределенно писал о себе как о чиновнике, поставленном “при poste Ейского укрепления в последних российских границах” [4, л. 1]; в другом документе того же года его снова называют “пребывающим на Еи пограничным комиссионером” [20, с. 438]. Отмеченное можно объяснить деликатностью его функций, связанных с негласным контролем формально самостоятельного правителя и его подданных-ногайцев. В виду этого, штат пристава, несмотря на выполнение им функций реальной власти в регионе, не был многочисленным. Под его началом состояли отставной вахмистр Дмитрий Иванов, 2 толмача из татар, 4 едисанских “чиновников”; пристав получал на свои нужды всего 100 руб. на годовую треть [17, с. 433–434].

Со дня своего назначения Лешкевич напрямую подчинялся генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву, командующему всеми российскими войсками, расположенными в Причерноморье. По сообщению Лешкевича 1781 г., “определено от него уже мне быть с пограничною и заграничною порученностию” под руководством азовского губернатора В.А. Черткова. Последний же 8 мая того года уведомил Лешкевича о своем назначении на пост генерал-губернатора Харьковской и Воронежской губерний и просил больше не обращаться к нему по финансовым вопросам [4, л. 1]. После разъяснения данного вопроса ейский пристав стал подотчетен Г.А. Потемкину, всевластному правителю Новороссии.

Пока Шагин-Гирей оставался в Ейском укреплении, основной задачей Лешкевича было негласное поддержание власти этого “правителя Кубани” при помощи военных и материальных средств, отпускаемых российским правительством. В частности, в ноябре 1776 г. он отправил небольшую команду для преследования противников Шагин-Гирея, напавших на верных ему ногайцев [17, с. 157]. Особенно сложная обстановка в данном регионе сложилась осенью 1775 г., после того, как крымский хан Девлет-Гирей назначил сераскером (наместником) своих номинальных владений на Северо-Западном Кавказе Тохтамыш-Гирея, и тот, при помощи турок, закрепился на Таманском полуострове. Турецкие гарнизоны, обосновавшиеся в Ачуге и Темрюке, наглухо перекрыли ставленнику Екатерины дорогу на Крым [17, с. 461–464, 524, 559–560 и др.]. Поскольку неприкрытое использование российских войск для поддержки похода Шагин-Гирея на Бахчисарай могло привести к нежелательной войне с Турцией, он должен был спешно формировать собственные отряды бешлеев, набранные, по большей части, из ногайцев и

черкесов-жанинцев; их одели в российские мундиры и снабдили старыми ружьями тульского производства [17, с. 79, 135, 141; 24, с. 86–87]. Ейский пристав должен был во всех этих приготовлениях содействовать будущему крымскому хану. В начале января 1777 г. Шагин без боя занял турецкую крепость Капыл, захватил около 30 пушек и назначил сюда своего коменданта Ислям-мурзу [17, с. 237]. Однако 21 января штурм Темрюка был провален: турки успешно отбили атаку и выяснили, что в “армии Шагин-Гирея” находились российские военнослужащие, из-за чего произошел международный скандал. Чтобы не допустить политического осложнения, российской армии пришлось блокировать Крым со стороны Перекопа, 30 января вытеснить турок из Темрюка и 11 марта обеспечить переправу Шагин-Гирея на Крымский полуостров. 22 апреля состоялась официальная церемония присяги крымского общества своему новому хану [17, с. 299–304, 574].

После восшествия Шагин-Гирея на бахчисарайский престол, на правобережье Кубани, считавшемся по Кючук-Кайнарджийскому миру частью Крымского ханства, в Ейском укреплении продолжала оставаться ханская администрация [17, с. 651]. Лешкевич по-прежнему должен был оказывать ей всяческую помощь и даже непосредственно направлять ее действия. Когда в январе 1778 г. мурзы левого поколения едисанцев во главе с Кадырша-мурзою по призыву турок снялись с зимних кочевий и двинулись за Кубань, Лешкевич послал им вдогонку ханских чиновников Шагин-Гирея [7, с. 19–20; 18, с. 135, 207–208]. Летом 1781 г. вспыхнуло мощное восстание ногайцев против Шагин-Гирея, показавшее полную беспомощность его администрации. В письме Веселицкому от 20 июня 1781 г. Лешкевич сетовал, что ему едва удавалось сдерживать начавшиеся волнения ногайцев – “неусыпным моим с неограниченными хлопотами разнообразными трудными подвигами”. Он вызвал войска с Дона, известие о приближении которых остановило едичкульцев; также активно применял подкуп, на который издержал более 3 тыс. руб., включая и свои собственные. После некоторого умиротворения ногайцев Шагин-Гирей снова направил к ним своих сборщиков податей, и это вызвало их еще большее недовольство [20, с. 112–113]. 3 июля российский посланник в Крыму Веселицкий рекомендовал Лешкевичу: если “его светлости увещание у ногайцев не подействует, пожалуйста, ускорите уведомлением” [20, с. 128]. Но увещевания хана не действовали. Отчаявшись сохранить свою власть над ногайцами, Шагин-Гирей предложил Потемкину выселить ногайцев с Кубани, разделить их на две части и поселить одну часть к северу от Перекопа, другую – внутри Крымского полуострова; однако Потемкин не пошел на этот опрометчивый шаг [24, с. 145]. Единственной силой, которая еще могла принудить ногайцев к подданству Шагин-Гирея, была российская военная администрация, представленная, в первую очередь, ейским приставом. Лешкевич, в очередной раз вызвав военную команду, обратился к едичкульским мурзам с призывом оставаться послушными крымскому хану, и это возымело действие [20, с. 96]. Шагин-Гирею, потерявшему всякое влияние на события, оставалось только, в растерянности, написать благодарственное письмо Лешкевичу [20, с. 125].

Характер действий приставской администрации в отношении ногайцев хорошо передает инструкция, данная Лешкевичем в июле 1781 г. поручику Бузовлеву, командированному на левый берег Еи: “По прибытии в ногайские орды, – писал Лешкевич, – обществу, засвидетельствуя от меня, по соседственному дружеству, обычайное почтение с благовидною ласкавостью и приятным обозрением”, следовало без лишнего порицания выразить сожаление о последовавших у ногайцев волнений, приведших их к “чувствительным разорениям”, и мягко сказать “от всех разумеющих нацию татар (т. е. признающих подданство Крымского ханства, – В. Г.)... нарекательность” за мятеж, и упование на милость их государя Шагин-Гирея. Если Осман-ага-каймакан, назначенный к ногайцам ханский чиновник, им неугоден, то рекомендовать они должны милостиво просить своего правителя о его замене. Кроме

того, Бузовлев должен был, “когда случай не препятствует”, побывать “у благоразумных мужей и доверенных к стороне ханской” [20, с. 133–134].

Как видим, деятельность ханской администрации на Кубани была крайне плохо организована, что отчасти можно объяснить постоянным вмешательством российских представителей в вопросы внутреннего управления Крымского ханства. Например, в ноябре 1781 г. российский представитель в Бахчисарае П. Веселицкий требовал от Шагин-Гирея отставки Осман-аги, но хан упрямо настаивал на том, чтобы тот оставался в Ейском городке при своих полномочиях [20, с. 302–303]. По большому счету, ханские чиновники ограничивались лишь сбором налогов с населения междуречья Кубани и Еи. Полицейские функции они также перекладывали на Лешкевича. Так, 2 апреля 1779 г. он был крайне удивлен сообщению ханских чиновников о том, что Шагин-Гирей приказал им тайно арестовывать “нагайских орд мурз, ефендиев, мулов и аггов”, приводящих “чернь в смятение”, и передавать их приставу для отправки под конвоем в близлежащие российские крепости. Получив от Лешкевича рапорт об этом ханском приказе, нарушающем международные нормы, А. Суворов просил российского посланника в Крыму А. Константинова подтвердить существование такового и, в случае подтверждения, все же исполнять его [7, с. 194–195]. Подобные действия, конечно, не прибавляли любви ногайцев к Шагин-Гирею, как и, собственно, к приставу. Лешкевич 1 июля 1781 г. сообщил Румянцеву, что причиной недовольства ногайцев крымским ханом есть “безпорядочные поступки определенных от него чиновников” [20, с. 151–155]. Но и Шагин-Гирей, со своей стороны, в письме Веселицкому от 19 июля 1781 г., переложил вину на Лешкевича, утверждая, что в течение 3 лет ногайцы жаловались на него “в причинении им некоторых неудовольств явным вмешательством в обычные распоряжения их, под видом несообразность в себе замыкающим”. Хан считал это одной из причин возникших у ногаев “неустройств” и заключал, что “пребывание на Еи г[осподина] подполковника Лешкевича не предвидится надобным” и что если России для общей с Крымом пользы нужен свой представитель, то надобно заменить его на другого, “тонкость с татарами обращения сведущего” [20, с. 147–148].

В условиях слабости власти и низкой популярности Шагин-Гирея у ногайцев не происходило консолидации на основе осознания общности своих интересов и выработки общей цели. Необходимость выбирать между российским и турецким подданством привела к расколу ногайского общества на множество противоборствующих групп. В итоге, вся полнота внутреннего управления ногайцев постепенно оказывалась в руках ейского пристава, включая вопросы землепользования, регуляции перекочевков и отношений между кочевыми коллективами [20, с. 339]. Примечателен случай, произошедший в ноябре 1779 г., когда ногайцы, кочуя по правому берегу р. Еи, зашли вглубь российской территории. В виду этого, Азовская комендантская канцелярия потребовала взять с них “поземельные деньги” и немедленно выселить их на левый берег. При чем данное требование адресовалось не ханским чиновникам и не ногайским мурзам, а приставу. Он, обратившись к своему руководству, получил распоряжение: денег с ногайцев не брать, дабы не настроить их против России; это было особенно важным из-за того, что Порты проявляла к ним всякие “ласкательства” [19, с. 433–434]. Подобные случаи повторялись регулярно; появились жалобы российских подданных на незаконный покос ногайцами травы, побитие их скотом хлеба, занятие ими земли под посев зерна в районе Кагальника и др. [19, с. 435–436]. В феврале 1782 г. ногайцы снова стали кочевать между реками Ея и Кагальник, заявляя, что эта степь была “подарена” Россией Шагин-Гирею. Более того, ханские чиновники стали брать пошлины с российских подданных за пользование этой землей. Азовский губернатор В. Чертков вынужден был давать юридические разъяснения, что часть занятой ногайцами территории принадлежит России с 1704 г., другая же – получена Россией по 20-й статье последнего мирного договора с Портой, и обе эти части входят в состав Азовской губернии. С момента же переселения на Прикубанье, ногайцы, по утверждению Черткова, “ближе Чумбур кочевьем к российским

границам не располагались”. Но, несмотря на протест российского посла в Крыму Веселицкого, Шагин-Гирей отказался выводить ногайцев с данной территории [3, л. 5]. Судя по всему, их все же выселили на левый берег Еи, вопреки воле хана.

Из-за той же слабости ханской власти, ейскому приставу приходилось брать на себя функции защиты ногайцев от угроз и претензий, исходящих извне. В июле 1781 г. он категорически отказал кабардинскому владельцу Девлет-мурзе Касаеву, который просил разрешения “нагаев всех разбить, имущество и скот, детей и жен с собою угнать”, в отместку за прежнее разграбление ногайцами кабардинцев [20, с. 162]. Также Лешкевич добивался запрещения донским казакам, стоящим на форпостах на р. Кагальник, отгонять скот у ногайцев [20, с. 213]. Пропуск ногайцев на российскую территорию также производился сугубо с ведома Лешкевича, которого они должны были просить о выдаче билетов для проезда в российские владения для покупки хлеба или отправляясь на заработки [7, с. 250].

Быстро меняющиеся задачи и фактические полномочия ейского пристава не могла предусмотреть никакая должностная инструкция. Когда в 1782 г. Потемкин потребовал от Лешкевича общий отчет о работе, рассматривая вопрос о его переподчинении и финансировании, в ответ получил следующее: “К кубанской стороне обращаясь посреди своенравной и лехкомысленной нагаиской необузданности, с порученостию в глубине пустой степи при poste Еискаго укрепления, в последних росииских границах вникло обозревая, на случаи во всем кубанском краю тож, черкеских горах и во всех тут пределах възстановляя сеи ветренной род в благовидности от всех неудобств на степень общего покоя, тишины, отъвлекая нередко бываемые черкеские злодеиские набеги з защитою росииских пограничных жителей” [4, л. 1]. То есть, судя по документу, главной функцией Лешкевича, как и ранее у Стремоухова, было отслеживание состояния лояльности ногайцев и противодействие их переходу на сторону Турции. Для выполнения этой задачи требовалось организация систематического сбора информации в ногайских кочевьях, Крыму и на левобережье Кубани [20, с. 10, 11, 15].

Среди информаторов пристава были армянские и греческие купцы, которые торговали в Ейском укреплении. Одним из них таких был житель Керчи грек Янисавельев, торгующий в “Ейском татарском Шагин-Гирейском базаре”. 24 мая 1782 г. он получил от своего партнера, еникольского купца армянина Якуба Исврекова, сообщение о мятеже на Тамани братьев Шагин-Гирея, Арслана и Батыра, которое содержало рекомендацию: “если есть в нагаиских ордах какие розданные товаром долги, старайтесь как можно скорей собрать да и впред заимообразно ни по каким усилным их, ногаев, прозбам не давайте... За лутчей способ я считаю, хотя товар и лежать будет, да цел и накладу не почувствуешь” [2, л. 3 об.–4.]. Это письмо, оказавшееся у Лешкевича, послужило надежным индикатором опасности. 24 июля 1782 г. Неслучайно Веселицкий так характеризовал Лешкевича своему руководству: “его донесения о ногайцах по здешнему посту на всегдашнее время нужны”; самого же ейского пристава он назвал “исправным пограничным комиссионером” [20, с. 687–688].

Всех информаторов, а также других лиц, приезжавших из-за границы, Лешкевич допрашивал под присягой, с протоколом и переводом на русский язык. Значительная часть полученных им сведений была уникальной и не дублировалась другими источниками. Таковой, в частности, была информация о деятельности и учении шейха Мансура (Ушурмы), систематически собираемая в 1785 г. (хотя исследователи отмечали погрешности перевода, подготовленного служащими приставской канцелярии, не обладавшими высокой квалификацией) [8, с. 7–8, 32]. Полученные в Ейском укреплении данные отправлялись региональным представителям российской власти, компетенции которых конкретный вопрос касался. Впрочем, сбор секретной информации за границей, ведение допроса въезжающих лиц под присягой, протоколирование и осуществление перевода на месте составляли обычную практику пограничных служб Российской империи, хорошо налаженную еще в XVII в. [14, с. 114, 118 и др.]. И потому деятельность

ейского пристава не составляла исключения в системе организации пограничной службы Российской империи. Исключительными были лишь его полномочия напрямую обращаться к таким крупным военным и дипломатическим чинам, как малороссийский генерал-губернатор Румянцев, донской атаман Иловайский, российские послы в Крыму Константинов и Веселицкий, новороссийский генерал-губернатор Потемкин, генерал-поручик Суворов, генерал-майор Пиль и др.

Тем не менее, штат ейского пристава едва выдерживал нагрузку, связанную с возложенными на него обязанностями. 1 июля 1781 г., накануне очередного восстания ногайцев, в распоряжении Лешкевича находилось всего 35 казаков, пребывающих “в нужнейших отрядах”; также была гарнизонная команда подпоручика Бузовлева и прибывшая на подкрепление рота Низовского пехотного полка с одним орудием – “и то одна пехота, коею с нужностию закрываю укрепленье и орудия”, – сетовал Лешкевич. С этими силами он смог остановить подошедших к Шагин-Гирейскому городку вооруженных ногайцев, но вынужден был в срочном порядке просить командующего Кубанским корпусом генерал-майора Пиля закрыть границу по р. Ея, расположив на бродах и переправах посты и форпосты [20, с. 151–155]. Осенью того года значительная часть ногайцев начала активные боевые действия против россиян, совершила нападение на Ейское укрепление и отогнала пятисотенный конский табун, принадлежавший Шагин-Гирею. 25 ноября Лешкевич призвал вооружаться и садиться на лошадей всех торговцев “Татарского базара”, преимущественно греков и армян. Сформированные таким образом отряды самообороны пристав укрепил своими 8 казаками, разделил их на 3 группы и отправил их вверх по р. Ея на броды. Сам же, взяв до 30 гарнизонных солдат с 1 орудием, стал на мосту, находящемся в 7 верстах от укрепления, и в момент приближения ногайских всадников произвел холостой выстрел из пушки, приведший нападающих в замешательство. Ногайцы отступили; отряд почти небоеспособных бешлеев Шагин-Гирея во главе с Али-агою, по всей видимости, воздерживавшийся от участия в обороне Ейского укрепления, после этого отправился в безуспешную погоню за похитителями ханского табуна [20, с. 336–337].

Весной 1782 г. ногайцев снова охватили волнения. По сообщению от 3 мая Лешкевич присутствовал на “великом собрании” в Едисанской и Джембуйлуцкой ордах, убеждая мурз не слушать призывов Батыр-Гирея, выступившего против Шагин-Гирея и поддерживаемого Портой, просил их не отходить от р. Ея, “хотя с теснотой, расположиться в последних границах наших, и то исполнив, начали уже с прилежанием хлебопашествовать” [20, с. 513–514]. Удержало ногайцев в послушании известие о том, что генерал-майор Пиль по сообщению от 11 июня 1782 г. переправился со своими войсками через Дон, истребовал у атамана Иловайского еще два полка и с ними движется к Ея [4, л. 1.]. В распоряжении ейского пристава на тот момент было всего 35 донских казаков, которые использовались на почтовой службе и “в разных посылках”. Потому Лешкевич просил у генерал-майора Шульца с Моздокской линии 100 донских казаков [2, л. 1 об.]

Ситуация все более накалялась; в Крыму вспыхнуло мощное восстание против Шагин-Гирея, который давно уже стал олицетворением власти Петербурга на полуострове. После бегства Шагина в Керчь под защиту российского гарнизона, на Кубани активизировался Батыр-Гирей-султан, которого крымская знать избрала новым ханом; ногайцев снова охватили волнения. По сообщению от 4 августа 1782 г., в ногайских кочевьях свирепствовал голод, как следствие того, что в прошлом году они, из-за сумятицы, не смогли засеять поля хлебом, смешались их кочевые маршруты, что привело к падежу скота. Еще больше углубилась трещина размежевания на две враждующие группировки: сторонники Шагин-Гирея подтягивались к границам России на р. Ея, а признавшие ханом Богадыр-Гирея откочевывали поближе к Кубани. “Обе стороны, – писал Лешкевич, – стараясь одна другую превозмочь и привлечь к себе большее число, имеют между собою ссоры и драки”. Но многие, не желая участвовать в

усобице, стали мигрировать на левобережье Кубани. Первыми бежали обедневшие кочевники, за ними потянулись и те, которым еще удавалось сохранить скот. Центром притяжения ногайцев стала турецкая крепость Суджук-кале (современный г. Новороссийск), откуда некоторые мурзы на судах стали выезжать на “Бендерскую степь”, т. е в Приднестровье [2, л. 3–4]. Ногайцы объясняли Лешкевичу причину своего бегства тем, что, спасаясь от голода, они ехали в Россию для покупки хлеба и на заработки, но были вынуждены 6 недель находиться в Кагальницком карантине, что приводило их в еще более бедственное положение [2, л. 3–3 об.].

Подытоживая длительную борьбу за обладание черноморским побережьем, 8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала манифест “О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу” [15, с.897–898], тем самым, ликвидировав “независимое” Крымское ханство. Ранее принадлежавшее ему междуречье Кубани и Еи переходило под прямое управление российской военной администрацией, возглавляемой Суворовым. Главной его задачей стало проведение сложной процедуры включения ногайских орд в состав Российской империи. Значительная часть ногайцев, не принимая для себя такой перспективы, стала откочевывать к р. Кубань, к турецкой границе. Это подтвердили армянские купцы, регулярно бывавшие в ногайских кочевьях и снабжавшие Лешкевича подробной информацией [7, с. 255–256]. Пристав в спешном порядке выехал вслед за ними и остановил их в районе Капыла, предотвратив их переправу через Кубань; едичкульцы почти в полном составе вернулись на свои прежние кочевья [6, с. 86]. Пока Лешкевич отсутствовал, состоянием на 25 апреля 1783 г., его функции в Ейском укреплении выполнял премьер-майор Полторацкий, запросивший у атамана Иловайского полк донских казаков в подкрепление. В том же качестве Полторацкий упоминается и в событиях 6 июля 1783 г. [7, с. 256, 270].

Лешкевич постоянно консультировал представителей российского командования, проводивших мероприятия по включению междуречья Кубани и Еи в состав России. Важнейшей их составной частью была подготовка принятия ногайцами присяги о вступлении в российское подданство. В связи с этим, Суворов поручил генерал-майору Фелисову, которому предстояло привести в верность едичкульцев, взять сведения у Лешкевича “о их состоянии, нравах и различных свойствах”. После активной подготовительной работы, 28 июня 1783 г. в Ейском укреплении состоялась торжественная церемония принятия от едисанцев и джембуйлуковцев присяги о российском подданстве, которой руководил Лешкевич в присутствии Суворова. Фелисов успешно провел ту же церемонию с едичкульцами в Копыле, Елагин – на Таманском полуострове [13, с. 229–230]. В тот же день Суворов подал представление Потемкину о том, что “труды г[осподина] Лешкевича должны ему при конце заслужить Владимирский орден” [7, с. 268], тем самым подытоживая его вклад в укрепление российских позиций в регионе.

Тем не менее, до полной стабилизации ситуации было еще далеко. Сразу же после принятия присяги, российские власти занялись подготовкой переселения ногайцев на уральские степи. Это намерение натолкнулось на их упорное нежелание покидать обжитую территорию, имеющую естественные границы – реки Кубань и Ею, и переходить в открытую степь, на которой время от времени располагались кочевья башкир и казахов, что, в перспективе, грозило столкновениями с ними. Кроме того, в памяти ногайцев хорошо отложилось переселение из Причерноморья в Прикубанье в 1770–1771 гг., в ходе которого они несли большой материальный ущерб. Внутренние усобицы и хаотические миграции, с большим трудом остановленные российскими властями в июне 1783 г., возобновились с новой силой, как и участились случаи набегов ногайцев (часто – вместе с черкесами) на поселения Моздокской линии.

31 июля джембуйлуковцы совершили крупное нападение на ногайцев, подчинявшихся распоряжениям Лешкевича. Пристав отправил отряды под командою полковников Телегина и Павлова, которые смогли рассеять нападавших. В разных местах

против ногайцев было использовано 4 эскадрона драгун, 4 пехотные роты, 3 пушки и полторы сотни казаков. В общей сложности погибло около 3 тыс. ногайцев и 14 российских военнослужащих, в т. ч. и секунд-майоры Масленицкий и Пряжевский, ранее бывшие приставами в отдельных группах ногайцев. Однако противостояние усиливалось. 23 августа вышедшие из российского подчинения ногайцы вместе с черкесами напали на Ейское укрепление, смяли пикеты, нарушили коммуникацию и начали штурм, который был отбит со значительными потерями для обеих сторон. Попытки новой атаки безуспешно повторялись и в последующие два дня. Подозревая причастность к провоцированию этого нападения Шагин-Гирея, Суворов поручил Лешкевичу выявлять подозрительных лиц среди бывших ханских чиновников, а также принял меры по усилению Ейского укрепления. 28 августа по его приказу сюда прибыл полк донских казаков; в то же время Лешкевич призвал верных России ногайцев вооружаться против бунтовщиков [7, с. 273, 274, 276, 279, 280, 285].

К началу сентября положение несколько стабилизировалось, в связи с чем Суворов, как командующий Кубанским корпусом, подписал приказ “ежевременно вводить в войсках обычай с татарами обращаться как с истинными собратиями” [7, с. 281]. 12 сентября он отрапортовал Потемкину о восстановлении контроля правобережья Кубани, отмечая, что в военных действиях против ногайцев участвовало 15 эскадронов драгун при 8 орудиях, до 15 пехотных рот при 8 орудиях и все “подлежащие здесь казаки”. Тем не менее, основные силы восставших были рассеяны, но не побеждены. Поэтому Суворов принял решение атаковать ногайские аулы, расположенные на левом берегу Кубани и привлек Лешкевича к участию в этой операции, поручив ему командовать отрядом драгун. До 20 сентября он прибыл к Суворову, оставив вместо себя в Ейском укрепении секунд-майора Куприна с правом напрямую обращаться к Потемкину. 1 октября на правобережье р. Лаба в урочище Керменчик ногайцы потерпели сокрушительное поражение, потеряв многих “почетных мурз и главных ... наездников”. В сражении отличились и драгуны Лешкевича, выступавшие в авангарде [7, с. 282–283, 285, 288].

После этой, роковой для ногайцев, военной кампании Лешкевич вернулся в Ейское укрепление и продолжил исполнение своих прежних функций, с тем отличием, что действовал уже напрямую от имени российской монархии, а не от лица зависимого от него крымского хана. Хотя в Шагин-Гирейском городке продолжали находиться ханские чиновники. С декабря 1779 г. их возглавлял Халил-ага-эфенди, которому формально подчинялось “все собрание ногайских мурз, кочующих по здешней стороне Кубани с своими ордами” [19, с. 466, 467]. После ликвидации Крымского ханства он смог сохранить за собой звание марахаса (начальника) ногайцев, принимая активное участие в приведении их к присяге и организации их переселения на уральские степи. За это он получил штаб-офицерский чин и 500 руб. годового жалования [7, с. 257–258, 260–261], позднее его возвели в надворные советники [21, с. 15–16]. В силу скудости данных, невозможно установить, как именно распределялись полномочия пристава и марахаса. Однако вполне понятно, что с апреля 1783 и до августа 1790 гг. в ногайских ордах Лешкевич продолжал осуществлять функции контроля передвижения, надзора за состоянием политической лояльности и взаимодействия с общероссийской и региональной властью. Халил-аге оставались вопросы внутреннего управления: суд, сборы средств на общественные нужды (налоги в российскую казну с данной группы ногайцев не взимались), представительские органы.

Зимой 1783–1784 гг. к приставу стали являться ногайцы, уцелевшие в перипетиях событий минувшего лета и осени, с прошением разрешить кочевание в определенных местах [7, с. 296]. По запросу Суворова, Лешкевич собирал сведения об убыли и остатке ногайского населения, однако не смог установить точное количество оставшихся, отмечая лишь “малое число” таковых [7, с. 297–298]. Еще с лета особенно остро стояла проблема голода в ногайских кочевьях, побудившая Суворова дать распоряжение о передаче обедневших ногайцев (байгушей) Лешкевичу для переселения их в Войско Донское, а

также указание атаману Иловайскому “чинить [им] самодолжное вспоможение, соглашать благовидно их волю” [7, с. 266, 267]. Количественный состав ногайского населения в междуречье Кубани и Еи не был постоянным как из-за нестабильного положения в их хозяйстве, так и в силу внешних причин, побуждавших их к миграции. Последнее крупное волнение охватило подвластных Лешкевичу ногайцев с мая 1785 г., когда стал распространять свои воззвания шейх Мансур, который до 1791 г. выступал во главе антироссийского движения народов Северного Кавказа [8, с. 10, 14]. Всего к 1790 г. под управлением Лешкевича и Халил-аги находилось 3 тыс. ногайских семей [5, л. 60–61 об.] или до 20 тыс. чел.

Неспокойное положение на границе не мешало Лешкевичу завести собственный хутор “в тех безлесых местах”, с винокуренным заводом и садом, которые в 1791 г. оценивались в 2817 руб. Кроме того, он владел 152 лошадьми, 97 ездовыми волами, 203 коровами, 2025 овцами. В этом хозяйстве находились и купленные им крепостные россияне, а также подаренные ему в 1779 г. “от ногайского общества на вечное и потомственное владение” три черкеса с женами и детьми, двое мужчин и одна женщина из калмык. В 1786 г. количество крепостных пристава пополнилось за счет ногайцев, попавших в плен (их численность в документе не указана) [1, л. 11–11 об., 12, 21]. Будучи обычным помещиком-крепостником и офицером-служакою, он не проявлял особо теплого отношения к ногайцам, вверенным его попечению. Это исчерпывающе характеризует написанная им фраза, передающая его почти эсхатологическое настроение: “...обращаясь посреди своенравной и лехкомысленной нагайской необузданности...” [4, л. 1].

Тем не менее, Иван Федорович Дробинка-Лешкевич был исправным российским служащим, стоящим на страже интересов своего государства и участвовавший в большинстве крупных событиях, связанных с завоеванием Россией Крыма и Правобережья Кубани. Он умер 13 августа 1790 г. в чине бригадира [1, л. 8]. После его смерти единственным начальником ногайского населения, оставшегося от некогда многочисленных Едисанской, Едичкульской и Джембуйлуцкой орд, становится Халил-ага. В конце 1790 г. по распоряжению Потемкина все ногайцы междуречья Кубани и Еи были переселены в Северное Приазовье, на левый берег р. Молочная [21, с. 15–16]. Вскоре на ранее занимаемые ими земли пришло Черноморское казачье войско, открывшее новый период в истории региона.

Библиографический список и примечания

1. Государственный архив Украины в Автономной Республике Крым. – Ф. 799. – Оп. 3. – Д. 197.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 52. – Оп. 1/194. Д. 261. – Ч. 2.
3. РГВИА. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 265. Ч. 1.
4. РГВИА. – Ф. 52. – Оп. 1/194. – Д. 265. Ч. 2.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 383. – Оп. 29. – Д. 916.
6. А.В. Суворов. Письма / сост. В.С. Лопатин. – М.: Наука, 1986.
7. А.В. Суворов. Русские полководцы. Сб. док. / под ред. А.В. Сухомлина и В.Д. Стырова. – Т. 2 / под ред. Г.П. Мещерякова. – М.: Военное издательство, 1951.
8. Александров И.Ф. Шейх имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII в. (По архивным материалам Таврического губернского архива) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь: тип. В. И. Якубовича, 1919. – № 56.
9. Всевысочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским из семейного архива графа В.Н. Панина. – Т. I. – М., 1872.

10. Грибовский В.В. “Ногайский вопрос” в период “независимости” Крымского ханства. 1774 – 1783 гг. // Кавказский сборник. – Т. 5 (37) / под ред. В. В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2008.
11. Грибовский В.В. К вопросу о принятии причерноморскими ногайцами подданства России и переселении их на Кубань в 1770 – 1771 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Дикаревские чтения (13). – Краснодар: ООО РИЦ “Мир Кубани”, 2007. – С. 446–473.
12. Записки генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского / сост. и ком. А.К. Афанасьев и др. 1756–1776. – М.: Рос. Архив, 2004.
13. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1988.
14. Новохатко О. Разряд в 185 году. – М.: Памятники исторической мысли, 2007.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб., 1830. – Т. XXI.
16. Пределы кочевья кубанцев с российскими владениями в 1780 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 3. – Одесса, 1853.
17. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н.Ф. Дубровин. – Т. 1. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885.
18. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 2. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885.
19. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 3. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1887.
20. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / сост. Н. Ф. Дубровин. – Т. 4. – СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1889.
21. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 г.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – № 48 / Под ред. А.И. Маркевича. – Симферополь, 1912.
22. Соловьёв В.А. Суворов на Кубани, 1778–1793. – Краснодар: Кн. изд-во, 1986 // <http://www.nw-kuban.narod.ru/suvorov/>
23. Ханьков И.И. Подлинная записка о донской экспедиции // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 14. – Одесса, 1888. – С. 66–90.
24. Fisher Alan W. The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. – Cambridge: at the University Press, 1970.